

Мощный двигатель нашего умственного развития

Н. А. Некрасов и Н. А. Добролюбов

Некрасов и Чернышевский первыми оценили жизнь и деятельность Добролюбова как крупное историческое явление. Им принадлежат первые наиболее емкие суждения о личности и творчестве критика. Н. Г. Чернышевский: "Ему было только двадцать пять лет. Но уже четыре года он стоял во главе русской литературы, -- нет, не только русской литературы, -- во главе всего развития русской мысли" {Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. VII. М., 1950, с. 852.}. Н. А. Некрасов: "... все, кто принадлежит к читающей и мыслящей части русской публики, увидели в Добролюбове мощного двигателя нашего умственного развития. Сочувствие к литературе, понимание искусства и жизни и самая неподкупная оценка литературных произведений, энергия в преследовании своих стремлений соединились в личности Добролюбова" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. XII. М., 1953, с. 290.}.

Ленин подхватил мысли Чернышевского и Некрасова, расшифровал их в новых исторических условиях, сделал их оружием революционной публицистики 1900-х годов. Эти афористические оценки деятельности и личности Добролюбова - результат непосредственных или косвенных столкновений с критиком, анализ его дел, его мыслей, его жизни. В этих же оценках выражено общественное, политическое кредо современников Добролюбова. Тема "Некрасов и Добролюбов", как и подобная ей, требует изучения контактов с двух сторон, понимания встречных движений, их особенностей.

1

Известно, что Добролюбов, уезжая из Нижнего Новгорода в Петербург, мечтал о литературной, журналистской работе. Свое право сотрудничать в некрасовском журнале он должен был завоевать. Его "соперниками" были, помимо Чернышевского, А. Н. Пыпин, обеспечивавший с конца 1856 года большую часть "Библиографии" журнала, отчасти М. Н. Лонгинов, тоже библиограф "Современника", позже разошедшийся с Некрасовым. Верх одержал, при поддержке Чернышевского и Некрасова, Добролюбов. Он угадал начало новой журнальной эпохи, способствовавшей рождению революционной ситуации в России, оценил значение революционной публицистики, в "самых мыслях" которой "заключается сила правды и убедительности" (I, 425). Некрасов увидел в Добролюбове талант публициста, журналиста, то, что он искал в современной литературе, к чему он был сам привязан. Некрасов замечал в одном из писем к А. В. Дружинину: "Не все же Старчевским да Краевским держать литературные вожжи, которые - что ни говори - у нас в руках журналистов" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, с. 318.}. Некрасов точно уловил особенности литературного движения в России. Успехи русской литературы во многом определялись выдающейся деятельностью писателей-журналистов, литературной публицистикой: Сумароков, Новиков, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Гоголь, Белинский...

Добролюбов пришел в "Современник" в начале раскола его редакции, когда ощущался кризис так называемого "обязательного соглашения" между редакторами журнала и его ведущими постоянными сотрудниками (Тургеневым, Толстым, Григоровичем). "Должен я тебе сказать, -- жаловался Некрасов Тургеневу, -- что обязательный союз меня начинает тяготить, связывая мне руки: всякий чрезвычайный расход обращается в выгоду обязательных и в неизбежный убыток мне. А теперь эти чрезвычайные расходы неизбежны и избегать их - лучший способ зарезать журнал. Решаюсь ждать тебя и надеюсь, что ты мне поможешь устроить так, чтоб журнал не кувырнулся окончательно. Читай в "Современнике" "Критику", "Библиографию", "Современное обозрение", ты там найдешь местами страницы умные и даже блестящие: они принадлежат Добролюбову, человек очень даровитый" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X. М., 1952, с. 375.}. Приход Добролюбова в "Современник" для Некрасова - знамение времени, он совпадает с поворотным пунктом в истории журнала. Некрасов еще не видит всех последствий этого поворота, будущих тяжелых разрывов с прежними постоянными сотрудниками, особенно с Тургеневым. Однако выбор уже сделан, журнальная, общественная судьба Добролюбова практически решена.

2

Материалистическая основа "реальной критики" Добролюбова не заглушала реального значения литературного дела. Литературное дело, литературную деятельность критик рассматривал в широком аспекте, сливая художественное слово и публицистику, доводя логику историко-литературных сочинений до злобы дня, оперируя жизненными фактами наравне с литературными (см. статьи "Деревенская жизнь помещика в старые годы", "Что такое обломовщина?" и др.). Больше того, "реальная" литература воспитывала Добролюбова, его революционный дух. Некрасов-поэт - один из наиболее цитируемых в статьях и Письмах Добролюбова. Цитируются чаще всего сатирические вещи. Поэзия Некрасова 40 - начала 50-х гг. включается в сатирическое русло как главенствующее, по мнению Добролюбова, в русской литературе. "Никогда не замирало у нас это направление,-- пишет Добролюбов еще в студенческие свои годы,-- и во всем, что есть лучшего в нашей словесности, от первых народных песен до произведений Гоголя и стихотворений Некрасова, видим мы эту иронию, то наивно-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную" (I, 187). К этой характеристике подходят многие стихотворения поэта. В каждом значительном произведении есть названные и неназванные оттенки иронии. "Современная ода" (1845), "Тройка" (1846), "Нравственный человек" (1847), "Вино" (1848), "Новый год" (1851), "Блажен незлобивый поэт..." (1852), "Филантроп" (1853), "Извозчик" (1855), "Поэт и гражданин" (1856). Все эти и другие сатирические стихотворения вошли в сборник произведений поэта 1856 года, вызвавший целую бурю в читательских и цензурных кругах.

Добролюбов нередко перефразирует стихи Некрасова, делает их элементом своего стиля - стихи из "Поэта и гражданина" (I, 365), "Филантропа" (II, 65), "Нравственного человека" (II, 212) и др. Не без влияния "Нравственного человека" (с ироническим рефреном: "Живя согласно с строгою моралью, Я никому не сделал в жизни зла...") написаны Добролюбовым стихотворения "Когда среди зимы холодной...", (1856), "Сила слова" ("Моралист красноречивый...", 1857). В них - изображение "героев" "прогресса" с барскими замашками либералов-пустословов, незадачливых обличителей:

Говорил о цели жизни,
О достоинстве людей,
Грозно сыпал укоризны
Против роскоши детей...

(*"Сила слова"*)

Оба произведения были включены в подборку стихов Добролюбова, опубликованных по настоянию Некрасова в "Современнике" (1858, No 9).

"Превосходными" назвал Добролюбов стихотворения Некрасова, появившиеся в августовской книжке "Современника" за 1856 год,-- "Секрет. Опыт современной баллады", "Сознание" ("Праздник жизни - молодости годы..."), "Как ты кротка, как ты послушна..."). В первом - сатирическое изображение конца "скупца", "коршуна", уроков его "воровской жизни": "Но брат поднимает на брата Преступную руку свою..." Второе стихотворение созвучно было "сознанию" Добролюбова с первых же строк:

Праздник жизни - молодости годы -
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени - не был никогда.

В этих стихах выражено сознание поэта-разночинца, его трудного, необычного вхождения в литературу, в литературное дело. Близки Добролюбову и стихи, передающие особенное "мстительное чувство" поэта, его особенную любовь: "Та любовь, что добрых прославляет, Что клеймит злодея и глупца..."

Через пять лет Некрасов об этом же скажет в речи на похоронах Добролюбова: "Бедное детство, в доме бедного священника; бедное, полуголодное ученье; потом четыре года лихорадочного неутомимого труда..." {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. XII, с. 289.} Стихотворение Некрасова, его первое слово по поводу смерти Добролюбова, затем его же

автобиографические записки с повторением мотива "тяжести труда", полуголодного существования ("Уму непостижимо, сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы..." {Там же, с. 23.}) рисуют типичную судьбу литератора, пробивающегося через различные мытарства на литературное и общественное поприще. Жизненные пути Добролюбова и Некрасова, их "социальное положение" в их сознании оказались взаимосвязанными.

Третье стихотворение - не ироническое - о метаморфозе человеческих отношений, о парадоксах любви - мотив не чуждый лирике Добролюбова, в ней все чаще и чаще возникают лирические сюжеты, родственные поэзии Некрасова: образ падшей женщины, тема свободной любви, гражданского брака ("Тоской бесстрастия томимый...", "Ты меня полюбила так нежно...", "Рефлексия"). С упомянутым некрасовским стихотворением непосредственно перекликается стихотворение Добролюбова начала 1857 года "Я пришел к тебе, сгорая страстью...":

Я пришел к тебе, сгорая страстью,
Для восторгов неги и любви...
Но тобой был встречен без участия,
И погас огонь в моей крови.

Это первая фаза. Следующая, прямо противоположная:

Но с улыбкой нежною и ясной
Ты сказала: "Завтра ты придешь?.."
И призыв ласкающий и страстный
Бросил в краску вдруг меня и в дрожь...

Я приду, приду, о друг мой милый,
Для восторгов неги и любви...
Голос твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажег в моей крови.

Ситуация, поэтически высказанная Добролюбовым, конечно, банальная. Некрасовское стихотворение глубже, философичнее, что подсказывает и его концовка:

Так солнце осени - без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

Однако сам мотив женского сиюминутного перевоплощения явно зависим от некрасовской антитезы.

В дневнике 1857 года Добролюбов в духе своей критики сопоставил лирическую традицию Лермонтова, Кольцова, Некрасова и лирику Гейне. Приведем эту запись, датированную 30 января того года: "Несколько дней уже я ношусь с Гейне и все восхищаюсь им. Ни один поэт еще никогда не производил на меня такого полного, глубокого, сердечного впечатления. Лермонтова, Кольцова и Некрасова читал я с сочувствием; но это было, во-первых, скорее *согласие*, нежели сочувствие, и, во-вторых, там возбуждались все отрицательные... чувства, желчь разливалась, кровь кипела враждой и злобой, сердце поворачивалось от негодования и тоскливого, бессильного бешенства: таково было общее впечатление. Гейне не то: чтение его как-то расширяет мир души, его песнь отдается в сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской... У Гейне есть и... страшные, иронически-отчаянные, насмешливо-безотрадные пьесы... Но теперь не эти пьесы особенно поразили меня. Теперь с особенным, мучительным наслаждением читал и перечитывал я "Intermezzo". Верно, и мне пришла серьезно пора жизни - полной, живой, с любовью и отчаянием, со всеми ее радостями и горестями" (VIII, 553). Добролюбов живет не только иронией; разные порывы души, любовь и отчаяние, вырываются одновременно. В другое время Добролюбов сетовал на то, что многие его знакомые видели в нем лишь "сурового критика" и "расторопного журналиста", а он бы хотел быть и "юным котенком, желающим прыгать и ластиться" (IX, 400).

Естественно, лирика Некрасова воспринимается все шире и разностороннее, без противопоставления лирических и обличительных мотивов. Пример - скрытая и прямая цитация поэмы "Саша". В одном случае (в письме к товарищу по Нижегородской семинарии В. В. Лаврскому) к слову пришелся первый стих из концовки поэмы:

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой -
Зреет и крепнет душа под грозой...

Первый стих - часть лирического обращения к читателю, оправдание метафорического стиля, во многом традиционного для поэзии, для Некрасова (см. его стихотворение "Сеятелям"). Добролюбов, объясняя свое быстрое вступление "в жизнь", под влиянием семейных несчастий и общественных событий пишет В. В. Лаврскому 3 августа 1856 года: "Я нашел в себе силы помириться с своей личной участью: наслаждения труда заменили мне былые наслаждения лени, приобретения мысли - увлечения сердца, любовь человеческая - любовь родственную... Не знаю, не покажется ли Вам, что "говорю я хитро, непонятно"; может быть, мои простые слова противоречат Вашей метафизической фразеологии" (IX, 252). Некрасовский стих помогает Добролюбову парировать метафизическое словопрение своего оппонента. Добролюбов сохраняет игривый, полуиронический тон стиха, не считает нужным пояснять истины, вполне понятные, естественные как для круга Добролюбова, так и Некрасова.

В другом случае (в рецензии на "Сборник, издаваемый студентами императорского С. - Петербургского университета", 1857) Добролюбов вкладывает стих Некрасова в письменную речь дамы-благотворительницы, "любительницы просвещения": "... захочет молодое поколение и в будущих спутницах своих найти достойных сотрудниц, потому что ведь дело веков поправлять нелегко..." (II, 95). У Некрасова в "Саше":

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!

Цитируемый стих заключает утверждение, чей-то голос, об относительной пользе просвещения. Голос этот в поэме скорее дискуссионный, чем авторский. Авторская позиция сильнее выражена в концовке произведения. Добролюбов придает ему либеральную окраску, вносит свой нюанс в интерпретацию поэмы. Некрасовское произведение в известной степени подготовило острую литературно-политическую трактовку проблемы "лишнего человека" в условиях начала революционной ситуации. В статье "Что такое обломовщина?" цитаты из "Саши", касающиеся "деятельности" Льва Агарина, "современного героя", предлагают родовую характеристику "лишних людей", подчеркивают их типическую сущность. Слова Агарина вкладываются в уста Обломова: "... и хотя он не рыщет по свету за исполинским делом, но все-таки мечтает о всемирной деятельности, все-таки с презрением смотрит на чернорабочих и с жаром говорит:

Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей..." (IV, 392).

И в том же, 1859 году, когда написана статья об обломовщине, Добролюбов решительно рекомендует отрывки из "Саши" в книгу для детского чтения вместе со стихотворениями Некрасова "Школьник", "Несжатая полоса", "Внимая ужасам войны" (см. IV, 355). Сатирическое, ироническое в поэме не противоречит в памяти Добролюбова ее лирическим началам.

1859 год во многом поворотный в их взаимоотношениях, в их взаимодействиях. По возвращении из Старой Руссы, в августе 1858 года (история его возвращения, вмешательство Чернышевского в личную жизнь Добролюбова воспроизведено Чернышевским в его письме А. Н. Пыпину от 25 февраля 1878 года), Добролюбов по предложению Некрасова поселился в доме А. А. Краевского, где помещалась редакция "Современника". Отношения между ними стали еще более короткими. Добролюбов, по воспоминаниям Чернышевского, "обыкновенно приходил пить чай к Некрасову и, если имел досуг, оставался тут и завтракать. Вообще он проводил в комнатах Некрасова очень много времени, утром почти каждый день и вечером часто. Тут они вместе читали рукописи, просматривали корректуры, говорили о делах журнала..." {Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 725.}. Да и Добролюбов сам засвидетельствовал, что он большую часть времени тогда проводил на некрасовской половине. "Я живу с Некрасовым, -- писал он М. И. Шемановскому, -- в одном доме и почти в одной комнате" (IX, 325), К сожалению, мы не знаем и вряд ли узнаем подробности деловых и иных разговоров между Некрасовым и Добролюбовым. Просочилось немного в их переписке. Некрасов пишет А. Н. Островскому в апреле 1860 г, по поводу пьесы драматурга "Старый друг лучше новых двух": "Мы с Добролюбовым ее прочли и нашли, что она великолепна - то есть вполне достойна Вашего дарования" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 416.}. Возникали и споры. В эти моменты обе стороны, видимо, делились своими соображениями с Чернышевским, а тот невольно должен был как арбитр помогать в решении спорных вопросов. В упомянутом уже письме к А. Н. Пыпину он, занимая место несколько постороннего, но зато объективного наблюдателя, сообщал: "Но что пишет он (Добролюбов, -- Г. К.), я не знал. Статей его я никогда не читал. Я всегда только говорил Некрасову: "Все, что он написал, правда. И толковать об этом нечего". Скоро, впрочем, Некрасов подружился с Добролюбовым: они стали жить вместе. Что они делали, о чем они говорили, -- мне было неизвестно. Я только всегда говорил одному о другом: "Вы не правы; он прав", а о чем был у них спор? Я не знал. По первому слову жалобы я решал: "Он прав, Вы неправы" {Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 139.}.

Чернышевский мог принять сторону Добролюбова в споре критика с Некрасовым из-за Елисея Колбасина. Е. Я. Колбасин, поклонник И. С. Тургенева, одно из его доверенных лиц по литературным делам, критик, беллетрист, историк литературы, активно сотрудничал в 1857--1859 годах в "Современнике". Его повести "Два зайца. Дневник армейского офицера" (1857), "Девичья кожа" (1858), "Сурков" (1858) отличались публицистичностью, обличительными мотивами. "Два зайца", по словам самого Колбасина, "восхитили" Некрасова и вызвали протест в среде военных {"Тургенев и круг "Современника". М. --Л., 1930, с. 343.}. Привлекли внимание читателей его "историко-критические характеристики" сатирика XVIII века, автора знаменитого "Письмовника" Н. Г. Курганова, автора сатиры "Дом сумасшедших" - А. Е. Воейкова. Однако в полемике по поводу обличительной литературы Колбасин занимал умеренную позицию, с иронией говорил о "русской публике", "до неистовства горделивой Щедриными и Селивановыми..." {Письмо Е. Я. Колбасина И. С. Тургеневу от 8 (20) апреля 1859 года. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, № 5800. И. В. Селиванов - беллетрист либерального толка.}. Не случайно Добролюбов не принял книгу Е. Колбасина "Литературные деятели прежнего времени" (СПб., 1859), не находя у автора "особенно новых и смелых" взглядов (VI, 43--44). К тому же Добролюбов, намекая на покровительственное отношение к Колбасину Тургенева, обвинил Колбасина в воскрешении "моды иметь литературных милостивцев", в поощрении "литературного генеральства" {VI, 44--45}.

Конфликт Добролюбова с Елисеем Колбасиным был показателен для расхождений революционно-демократической и либеральной части редакции "Современника". Он проявлялся по разным поводам. Тогда же возник спор из-за рецензии на книгу С. В. Максимова "Год на севере" (СПб., 1859). Добролюбов пишет Некрасову (ориентировочно в конце 1859 года): "Я прочитал рецензию г. Колбасина на "Север" и, полагая, что Вы непременно хотите печатать творения его по части библиографии, возблагодарил свое упрямство, заставившее меня вычеркнуть свое имя из объявления о "Современнике". Посылаю Вам эту рецензию, дайте ее, если хотите, в типографию. Моя просьба состоит в одном: нельзя ли под ней подписать имя или хоть буквы Колбасина? А то найдутся люди, которые на меня же свалят все пошлости этого писателя, так как известно, что библиография всегда составляется мною..." (IX, 396). Некрасов отвечает Добролюбову: "Зачем же Вы на меня-то злитесь за то, что Колбасин пишет плохо. Я его взял на случай нашего отъезда и думал, что Вы ему внушите, чтоб он не пускался в рассуждения. Рецензию просто бросить да и Колбасина тоже" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 417.}.

Другой спор, более известный, был вызван статьей Добролюбова "Когда же придет настоящий день?" в связи с романом Тургенева "Накануне" (1860). Статья Добролюбова потрясла даже редакцию "Современника". Это видно уже из письма Некрасова Чернышевскому от февраля 1860 года: "Я прочитал статью и отдал ее Тургеневу. Вы получите ее от него часу в 9-м сегодня. Я вымарал много, но иначе нельзя, по моему мнению. Припишите что-нибудь в конце..."

Бекетов заходил к Тургеневу и сказал ему, что он статью не пропустит, но это вздор - завтра мы к нему отправимся" {Там же, с. 413.}

Статья была острой, трудной для журнала не только по цензурным условиям. Она задевала Тургенева. Некрасов, да и цензор Бекетов были с ним в дружеских отношениях. Тургенев был душой круга "Современника" конца 40-х - начала 50-х годов. За Тургеневым стояли и П. В. Анненков, В. П. Боткин, Е. Я. Колбасин, отчасти А. В. Дружинин, М. В. Авдеев и другие нужные "Современнику" литераторы. Поэтому Некрасов, не задевая революционно-демократической сути статьи Добролюбова, видимо, стремился смягчить ее тон по отношению к Тургеневу. Некрасов очень дорожил сотрудничеством Тургенева в "Современнике". Он жил тургеньевским миром образов, делал ставку на его новые произведения, не считаясь ни с какими условиями. Ожидая "Дворянское гнездо" Тургенева и сообщая ему о публикации Гончаровым "Обломова" в "Отечественных записках", Некрасов пишет: "... если ты будешь столь многомилостив, что отдашь нам свое новое произведение, то назначение цены будет зависеть от тебя. Деньги у нас есть, и во всяком случае ты должен получить с листа не менее гончаровского..." {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 331.} Гонорар за "Дворянское гнездо" по сравнению с обычным был удвоен. И после фактического разрыва Некрасов еще надеялся на возвращение Тургенева в "Современник", считая случившееся не настолько серьезным, вызванным больше кознями либеральных друзей Тургенева. В какой-то степени так и было. Тот же Е. Колбасин, собираясь публично отчитать Добролюбова, подзадоривал одновременно и Тургенева {См. сб. "Проблемы истории общественной мысли и историографии", М., 1976, с. 123-124.}. Однако, как известно, причины раскола оказались более глубокими. Тургенев - выдающийся писатель современности, художник-реалист - и Тургенев-политик не могли быть совместимы. "Дело", к которому призывал Добролюбов, не захватывало Тургенева. Некрасов же желал "мирного сосуществования" двух противодействующих сторон. Симптоматичны его успокоительно-наставительные письма Добролюбову и Тургеневу. Добролюбову, 1 января 1861 года: "Что Тургенев на всех нас сердится, это неудивительно - его подбивают приятели, а он-таки способен смотреть чужими глазами. Вы его, однако, не задевайте, он ни в чем не выдерживает долго - и придет еще к нам (если уж очень больно не укусим), а в этом-то и будет Ваше торжество, да и лично мне не хотелось бы, чтоб в "Современнике" его трогали" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 438.}

И. С. Тургеневу, 15 января того же года: "Не могу думать, чтоб ты сердился *на меня* за то, что в "Современнике" появлялись вещи, которые могли тебе не нравиться. То есть не то, что относится там лично к тебе,-- уверен, что тебя не развели бы с "Современником" и вещи более резкие *о тебе собственно*. Но ты мог рассердиться за приятелей и, может быть, иногда за принцип - и это чувство, скажу откровенно, могло быть несколько поддержано и усилено иными из друзей,-- что ж, ты, может быть, и прав. Но я тут не виноват; поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Чернышевский и Добролюбов (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думал и как бы сами они иногда ни промахивались),-- сам бы ты так же действовал, т. е. давал бы им свободу высказываться на их собственный страх. Итак, мне думается, что и не за это ты отвернулся от меня. Прошу тебя думать, что я в сию минуту хлопочу не о "Современнике" и не из желания достать для него твою повесть - это как ты хочешь,-- я хочу некоторого света относительно самого себя, и повторяю, что это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 441--442.}

Защищая достоинство, общественную репутацию каждого действующего лица этого далеко не личного конфликта, Некрасов находит еще более высокую меру в оценке каждого поступка, не исключая своего поведения. Следует говорить не о наивности, не об иллюзиях Некрасова, а о его редакторской мудрости, пронизательности, о понимании им необходимости для отечественной литературы, России слова и дела Добролюбова, Чернышевского, слова и

дела Тургенева. После некрасовских строк утверждение Чернышевского, высказанное им в письме к А. Н. Пыпину, об одной правоте, правоте Добролюбова, должно восприниматься с некоторой поправкой.

Редакционные отношения Некрасова и Добролюбова чаще всего приводили их к взаимопониманию, к взаимному доверию, а не одергиванию друг друга. Не редакционный диктат, а диалог. Он угадывается даже по одному письму, по одной какой-либо сохранившейся записке: "Библиографию по крестьянскому вопросу" точно не стоит печатать. Поправьте глупого вралю Данилевского. - Узнав из Вашей записки, что дело - об "Ратклиффе" (поэма Г. Гейне в переводе А. Н. Плещеева. - Г. К.), я сейчас распечатал пакет к Вам Плещеева и "Ратклиффа" оставил у себя" {Там же, с. 406.}. В этой записке Некрасова Добролюбову речь идет в основном о содержании октябрьской книжки "Современника" за 1859 год. В записке явны отзвуки прежних разговоров, прикидок; в ней видно, как оперативно складывалось их общее редакционное мнение.

Другой пример связан с публикацией материалов вокруг диспута между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным о происхождении Руси. Поводом для диспута, проходившего 19 марта 1860 года в Петербургском университете, была статья Костомарова "О начале Руси", напечатанная во второй книжке "Современника" за 1860 год. "Современник" решил откликнуться на диспут еще "насмешливой статейкой", особенно в адрес Погодина, яркого сторонника "норманнского периода" русской истории и упоенного в то время либеральной гласностью. "Насмешливую статейку" для "Свистка" - "Наука и свистопляска" - написал Добролюбов. Неожиданно в "Современник" же захотел отдать свою статью, в ответ на костомаровскую, и Михаил Погодин. Некрасов узнал об этом из разговора с Костомаровым, о чем он пишет Чернышевскому: "Сейчас приехал ко мне Костомаров и объявил, что Погодин и свою статью (на которую костомаровская служит возражением) желает поместить в "Современнике" - обе будут до двух листов. "Да ведь у нас будет выходка против Погодина". - "Это ничего, я ему говорил - он сказал, что ведь подлецом они меня не назовут, а всё остальное - ничего".

Ай да Михайло Петров!

Я думаю взять и погодинскую, а смехоту все-таки напечатать, но из уважения к великодушью Михаила Петровича л" шить ее серьезной злости, если она туда забралась.

Как Вы думаете? А мне кажется, дело-то получило трогательный вид" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 414.}.

Однако второй номер "Современника", куда намечалась статья Погодина, выходил без "Свистка". Добролюбов по этому поводу был встревожен. "Напечатание статьи Погодина при отсутствии "Свистка",-- пишет он Некрасову,-- будет иметь такой вид: он нас публично облаял, мы испугались и, чтобы загладить свой грех, бросились к нему и выпросили статейку. Вероятно, он на такой оборот и рассчитывал. Поэтому я думаю, что напечатать его можно не иначе, как при смешной статейке, да и то с примечанием, что статья помещается *по желанию Погодина*" (IX, 411). Резонное пожелание Добролюбова было учтено. Статья Погодина ("Письмо г. Погодина г. Костомарову") была напечатана в мартовской книжке журнала с примечанием: "Узнав, что ответ г. Костомарова печатается в "Современнике", г. Погодин изъявил желание, чтоб и его "Письмо..." было помещено в нашем журнале. Имея в виду удобство наших читателей, заинтересованных ученым поединком, мы с удовольствием приняли предложение г. Погодина, и вот каким образом в "Современник" попала статья, заключающая в себе выходки на "Современник" же". "Наука и свистопляска" была опубликована следом в "Свистке", в этом же номере "Современника". "Насмешливое" послесловие к диспуту, к позиции Погодина было продолжено Некрасовым в его сатирическом стихотворении "Что поделявает наша внутренняя гласность?" ("Современник", 1860, No 12, "Свисток", No 6):

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен,--

И, огорчен, уныл и мрачен,
Молчит Погодин как немой!

Некрасовская оценка диспута, поведения Погодина сливалась с добролюбовской.

4

Так произошло редкое единение, разных по возрасту, по натуре, по образу жизни, по общественным связям людей - опытного журналиста, редактора авторитетнейшего журнала, признанного поэта и молодого критика, но уже ведущего сотрудника журнала, человека решительного, резкого, не признающего никаких авторитетов, общепринятых мнений. Ни о каком смешении характеров, взглядов не может быть и речи. Каждый сохраняет свое. И в то же время в их отношениях - особенная контактность, особенная взаимная восприимчивость, обеспокоенность судьбой другого. Из письма Добролюбова бывшему сокурснику по Главному педагогическому институту И. И. Бордюгову от 20 сентября 1859 года: "Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить "Песню Еремушке" Некрасова, напечатанную в сентябрьском "Современнике". Замени только слово *истина* -- *равенство, лютой подлости - угнетателям...* Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!.." (IX, 385).

Поэзия Некрасова сохраняет свое огромное воздействие на Добролюбова. Политическая лирика поэта питает революционные идеи критика, расчищает путь к "делу", ведет к общественному прозрению. Критик был предельно требователен к себе и своим товарищам: "Полное нравственное расслабление, отвращение от борьбы, страсть к комфорту, если не материальному, то умственному и сердечному,-- делает нас совершенно бесполезными коптителами неба, негодными ни на какую твердую и честную деятельность" (IX, 323).

Из письма Некрасова Добролюбову, уехавшему на лечение за границу (письмо от 18 июля 1860 года): "Теперь dokonчу о деле, которое Вас особенно утешает, о деньгах. Я, если б Вас меньше знал, то мог бы даже рассердиться. За кого же Вы нас принимаете? Я уже сам не раз говорил, что Ваше вступление в "Современник" принесло ему столько пользы (доказанной цифрой подписчиков в последние годы), что нам трудно и сосчитать, и во всяком случае мы у Вас в долгу, а не Вы у нас". И в конце письма: "По-моему, любая из статей, которые Вы назвали, годится. Присылайте хоть все. Завтра пошлю вторую половину Вашего письма к Чернышевскому - он Вам напишет. Будьте здоровы" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 421, 422--423.}. На расстоянии можно сказать откровеннее, без стеснения, точнее. Вежливые взаимные комплименты в этом кругу вообще не были приняты. Их переписка предназначена для "внутреннего пользования". В письмах-исповедях с той и другой стороны много бытовых подробностей, сугубо интимных моментов; в них и взаимная поддержка, и взаимная требовательность. Из того же письма Некрасова: "Прежде всего отвечаю на Ваш вопрос: *приезжать* или *оставаться*? Остаться за границей - вот мой ответ, а Вы при этом помните Ваши слова, следующие за вопросом: я *положусь на ваше решение*. Итак, это дело конченное. Я, признаться, думал, что оно кончено еще предыдущим моим письмом, где я положительно этот вопрос оставлял на Вашу волю,-- да с Вами вдруг не решишь. Знаете, эта нерешительность происходит от болезненного состояния Ваших нерв; когда они развинтятся, то человек всему придает вдвое больше важности. Я это испытывал, и до готовности плакать у меня доходило, и от героических поступков был на шаг, или, лучше сказать, глупостей, и то задумывалось, что завтра представлялось не могущим забрести в голову. Как только такое пойдет в голову или слезы начнут подступать - надо сейчас успокоиться физически - лечь и полежать полчаса неподвижно, потом поесть, а если уж совсем не хочется, то книгу взять..." И далее: "Знаете, Добролюбов, что скверно - у меня нет никакой силенки делать дело, так что ж - все в карты? меня берет некоторый страх, и чувство гадливости проходит по мне, словно я гляжу на что-то скверное, а гляжу-то я на себя в эту минуту. Вот и мои нервы дошли до того, что надо лежать, а потом есть или читать. Прощайте" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 420, 422.}.

Ответное письмо Добролюбова (23 августа) - целый трактат о человеческих характерах, о героическом и обыденном в человеческом поведении, о смысле жизни. В нем - отголоски

петербургских споров ("Я пишу вам это без злости, а в спокойной уверенности...", "Вы мне прежде говорили, да и теперь пишете, что все перемалывается..."), полусерьезные, полусутошительные мечтания: "Да знаете ли вы, что если б я в мои 24 года имел ваш жар, вашу решимость и отвагу да вашу крепость, я бы гораздо с большей уверенностью судил не только о своей собственной будущности, но и о судьбе хоть бы целого русского государства" (IX, 439).

Письма обоих - доверительные и обостряющие ситуацию, задевающие за самолюбие. Некрасов как-то в письме к В. П. Боткину метко определил особенность своей дружеской переписки: "... но я пишу, чтоб поверить мое чувство чувством другого". "В деятельности писателя,-- утверждал он тогда же,-- не последнюю роль играет так называемое духовное сродство, которое существует между людьми, служащими одному делу, одним убеждениям" {Там же, с. 255.}. Судьба больного Добролюбова очень тревожит Некрасова. Его собственные испытания хандрой мучительны:

..... одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою.
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.
Нет ее в мире. Те дни миновались.
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Разрыв с Тургеневым, с А. Я. Панаевой, долгое пребывание за границей Добролюбова - все бьет неотступно, сразу. Однако в той же переписке сильны волевые начала обоих собеседников, видна широта их взглядов, озабоченность настоящим делом. С демократизацией общественного движения менялся круг "Современника". Революционно-демократическое направление, которое придали журналу Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, было необратимо, отвечало насущным потребностям России.

С конца 1858 года усиливается влияние Добролюбова на все стороны издания "Современника". Отделы критики, библиографии, современных заметок объединяются в один - "Современное обозрение", в котором публицистическое начало оказывается ведущим, а отбор, группировка материалов особенно тщательны. "... Если в "Современнике" есть балласт,-- пояснял Некрасов Н. В. Гербелю,-- то он чаще и неизбежнее попадает в I отдел, а не во второй" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 415.}. В программе издания "Современника" на 1859 год Добролюбов определяет глобальные задачи журнала: "... противодействие всякой лжи, тьме и коснению, сочувствие всему, что ведет общество к просвещению, правде и действительному благоустройству..." (II, 472). К этому времени относятся принципиальные выступления критика против либеральной публицистики ("Литературные мелочи прошлого года", "Новый кодекс русской практической мудрости", "От Москвы до Лейпцига" и др.), образцы его действенного слова, призывающего к революционно-демократическим преобразованиям русского общества. В эти годы Добролюбовым выдвигается концепция реальной критики - выдающееся завоевание русской эстетики.

С 1859 года стал издаваться "Свисток", сатирическое приложение к "Современнику", "душой" которого, по словам Некрасова, был Добролюбов. "Отсутствии "Свистка" всеми чувствуется,-- пишет Некрасов Добролюбову в Италию зимой 1860 г. - В XII No, наконец, пустили "Свисток", который состоит: 1) Из небольшого вступления, написанного мной. 2) "Два графа". 3) Неаполитанские стихотворения. 4) "Что поделявает наша внутренняя гласность" (несколько выписок из газет) и еще две статейки; стихотворение Аполлона Капелькина ("Дикие желанья мои") я тоже пустил тут. Появление "Свистка", видимо, утешило публику. Подписка из провинции валит исправно" {Там же, с. 432.}. Все названные материалы принадлежат Некрасову и Добролюбову. Некрасов настолько втянулся в издание "Свистка", что однажды заявил Чернышевскому, что будет "писать только для "Свистка" {Там же, с. 447.}.

"Современник" содействовал быстро меняющейся политической обстановке в России, способствовал созреванию революционной ситуации. Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, обладали превосходным чувством журнализма, знанием общественного

настроения, чувством реальности в большом смысле этого слова. Как это получалось? Чисто интуитивно? Стихийно? Конечно нет. Интересны в этой связи наставления Добролюбова С. Т. Славутинскому, служившему в Рязани, по поводу его замысла "Провинциальных писем" для "Современника". Одобряя замысел, выделяя его основные содержательные моменты ("ход общественной жизни", "степень развития провинциального общества", "направление его интересов" и др.), Добролюбов пишет: "Об одном только я должен предупредить Вас: Некрасова испугал лирический тон Вашего первого письма, и он сказал, что это может идти как приступ к ряду писем (дайте в несколько сокращенном виде), но как отдельное письмо оно лишено всякого значения для читателя. Мне кажется, что это замечание справедливо. Провинциальное письмо должно, кажется, иметь в виду не только одну столицу, для которой неведомо и любопытно, пожалуй, и то, что в провинции люди хлеб едят и газеты читают, оно должно рассчитывать и на саму провинцию, для которой подобные общие сведения не нужны, а требуются такие заметки, которые бы отчасти раскрывали глаза провинциалам, давали *им характеристику* (а не просто описание) их жизни и выражали суждения, из самой жизни прямо почерпнутые и прямо к ней прилагаемые" (IX, 339). Такого же рода продиктованные самой жизнью редакционные требования Добролюбов излагает Славутинскому, касаясь его "Внутреннего обозрения", постоянного отдела "Современника": "Нет, Степан Тимофеевич, умоляю Вас, оставьте эти радужные вещи для слепца Каткова (редактора "Русского вестника". - Г. К.), новобрачного Феоктистова (либерального журналиста. - Г. К.), добросердечного (в деле ума) Леонтьева (профессора Московского университета. - Г. К.)... Пусть эти восторги современным движением явятся лучше в диссертации Рачинского о движении высших растений, нежели в обозрении "Современника". У нас другая задача, другая идея" (IX, 408).

Советуясь со своими постоянными сотрудниками по программным вопросам, Некрасов пропускал через себя все журнальные темы, наводил авторов на материал, определял тенденции, форму подачи материала. В письмах Добролюбову: "Вот Вы читали Воскобойникова. Если напишете по поводу этой статейки, то теперь, впрочем, уже можно будет напечатать: времени столько прошло, что никто не примет этого за желание оправдаться. Пишите резче - всякая брань проходит хорошо; гонение на политические статьи и социалистические тенденции". "Статья очень хорошая ("Из Турина". - Г. К.). Присылайте чаще. "Современник" идет недурно, в сию минуту 6250 подписчиков; с Вами было бы больше - задирающего у нас выходит маловато" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, 433, 447.}.

Письмо Добролюбова "Из Турина" полемично, хлестко. Оно высмеивает туринских обывателей и буржуазных парламентариев, показывает подноготную "демократических" выборов, дает яркие портреты либерального проповедника и ренегата графа Кавура. Письмо задело многих читателей и по-своему - либеральную русскую прессу (см. негодующие отзывы о статье Добролюбова, приведенные в комментариях: VII, 549).

Некрасов сам задавал тон, показывая пример "задиристости". Для "Свистка" им пишутся занозистые, захватывающие главные проблемы журнальной полемики сатирические вещи - "Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов" (1860), "Литературная травля, или Раздраженный библиограф" (1861), "Гимн "Времени", новому журналу, издаваемому М. Достоевским" (1861) и др. В каждой из них есть темы, образы, близкие к добролюбовской публицистике. Литературная маска раздраженного библиографа сродни литературной маске Конрада Лилиеншвагера или Аполлона Капелькина. Филиппики против "мальчишек" ("Дудышкин, Чернышевский, какой-то Бов, Громека! Один Андрей Краевский Похож на человека!"), преклонение перед именитыми "журналистами", пишущими и по-французски ("Де-Жеребцов, Мещерский, Де-Кокорев...") - и это перекликается с добролюбовской иронией. В шутовском "Гимне "Времени"..." есть назидательные стихи, касающиеся задач журнальной сатиры:

Будь резким, но не будь бранчивым,
За личной мезтью не гонись.
Не называй "Свистка" трусливым
И сам безмерно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость - грешная мечта,

Припомни афоризм Пруtkова
Что все на свете - суeta!

Зaботы по изданию "Современника", вызванные пребыванием Добролюбова за границей, невольнo вызывают мысль о взаимной зависимости Добролюбова и Некрасова в журнальных делах. Возник редакционный альянс, в котором каждый считался с авторитетом другого и что-то подсказывал. Добролюбов пишет Некрасову 23 августа 1860 года: "Не умею Вам и сказать, как бы я рад был за Вас и за себя, если бы Вы за границу приехали. Только как же "Современник"-то? Он мне тоже близок и дорог. Как Вы с ним хотите распорядиться? В июле Вы уж и повести никакой не поместили, Карновичем отделались. Что за чепуху написал он о Гарибальди!! <...> Внутреннее обозрение, кажется, ухнуло. Не забудьте Славутинского: он ведь должен "Современнику" много <...> Да разыщите Грыцька (Г. Р. Елисеева. - Г. К.) статью о "Русской правде"; за нее тоже деньги заплачены. А Федорова комедия? Тоже ведь заплачены... Все деньги и деньги" (IX, 441). Некрасов пишет Добролюбову в декабре 1860 года: "Знаете, я думаю, по возвращении Вашем Вам нужно будет взять на себя *собственно* редакцию "Современника". Чернышевский к этому не способен, я располагаю большую часть года жить в деревне. Писания Вам будет поменьше, а хлопот побольше. Газету бы точно необходимо основать, но издыхать из-за этого тоже нету резону... Если приедете к лету, то еще будет время, впрочем, выхлопотать и приготовить к 1862 году" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 432--433.}.

Смерть Добролюбова застала Некрасова врасплох. Он рассчитывал, что через 2--3 года Добролюбов окрепнет, и, должно быть, не на словах готов был передать в его руки "Современник". Некрасов по праву видел в нем зрелого, талантливого, отвечающего духу времени редактора, да не только редактора. Он видел в нем новый тип личности, нового общественного деятеля революционной эпохи.

5

Некрасов и Чернышевский оставили нам самый яркий, самый цельный, самый достоверный образ Добролюбова. Сила этого образа - в непосредственности самого произведения, в его человечности, без примеси разного сочинительства, традиционной литературщины. В некрологе, написанном Черными неким ("Современник", 1861, No 11), изложена история привода Добролюбова в "Современник" и рассказано о "страстном труде" критика, который "могущественно" ускорял "ход нашего развития" во имя интересов любимого им народа. Призыв к народу надежда на его общественное пробуждение показывают, как в цензурных условиях некролог может играть роль революционной прокламации. Некрасов в речи на похоронах Добролюбова, в литературном чтении в Первой петербургской гимназии 2 января 1862 года выделяет в личности Добролюбова прежде всего его энергию, неподкупность его литературно-критических оценок, глубокое "понимание искусства и жизни". Добролюбова должно изучать в его критических и полемических статьях,-- говорил Некрасов в Первой гимназии,-- к чему публика получит возможность только с изданием его сочинений, к которому уже приступлено. Тогда станет ясно для каждого, как много, с небольшим в четыре года, успел сделать этот даровитый юноша, соединивший с силою таланта глубокое чувство гражданского долга, составлявшее основную отличительную черту покойного и как писателя, и как человека" {Там же, т. IX, с. 410.}.

Некрасов знал о неприязни к Добролюбову либералов, обличителей разного ранга, низвергавшихся им "авторитетов". М. П. Погодин писал Шевыреву: "Добролюбов объявляется каким-то выпрененным гением. Я ничего не знаю из его сочинений" {Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19. СПб., 1905, с. 102.}. "С. -Петербургским ведомостям" не понравился некролог: "Самовосхваление, фимиами собственному кружку..." {"С. -Петербургские ведомости", 25 января 1862 г.}

Некрасов, как и Чернышевский, обращался к широкой публике, к его друзьям и недругам, единомышленникам и противникам, к русским: "Даже в частной жизни, в ежедневных сношениях с людьми, Добролюбов представлял между нами, русскими, нечто особенное. С детства прививается к нам множество дурных привычек, известных под именем "уменья жить". Мы от лени говорим "да" там, где следовало бы отвечать "нет"; улыбаемся, по слабодушию,

там, где следовало бы браниться; прикидываемся внимательными к какому-нибудь вздору, на который следовало бы отвечать смехом или даже негодованием. Ничего подобного в Добролюбове не было. Он смеялся в лицо глупцу, резко отворачивался от негодя, он соглашался только с тем, что не противоречило его убеждениям. Если к этому прибавим, что он не только не заискивал у авторитетов, но даже избегал встреч с ними, да припомним ту независимость, с которою он высказывался печатно, то поймем, почему в литературе его немногие любили" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, с. 411.}.

Независимость критика от расхожих мнений, обостренное чувство ответственности перед настоящим делом, а значит, перед временем, перед своим народом,-- в этом увидел верно Некрасов особенность натуры, деятельности своего сподвижника, его нравственное право встать "во главе современного литературного движения", стать редактором "Современника". А. Н. Пыпин, много раз возвращаясь к эпохе Чернышевского и Добролюбова, признавал: "Так называемое "отрицание" Добролюбова исходило из ясного представления великого исторического момента, какой переживало русское общество, и из глубокой веры в будущее - светлое, искомое и возможное: он отрицал старое историческое зло, которое жило еще в современности..." {Пыпин А. Н. Добролюбов. СПб., 1904, с. 16.}

В первом номере "Современника" за 1862 год, где были опубликованы "Материалы для биографии Н. А. Добролюбова", составленные и прокомментированные Н. Г. Чернышевским, и "Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова" - выступление Некрасова в Первой гимназии, оба автора как бы поделили сферы освещения личности критика. Чернышевский опирается на дневники, письма Добролюбова, воспоминания о нем {См. подробнее в нашей статье: "Чернышевский как биограф Н. А. Добролюбова". - Сб. "Революционная ситуация в России 1859--1861 годов". М., 1980.}, Некрасов - на лирические стихотворения. Некрасов в первую очередь выбирает стихотворения с гражданскими мотивами. Цитируются отрывки из стихотворений "Памяти отца", "О, подожди еще, желанная, святая...", "С тех пор как мать моя глаза свои смежила...". Стихи же помогают Некрасову точнее сформулировать понимание Добролюбовым чувства долга, цели жизни: "Он сознательно берег себя для дела; он, как говорится тоже в одном из его стихотворений, "не связал судьбы своей ни единым пристрастьем", устоял "перед соблазном жизни"... - все для того, чтобы ничто не мешало служить своему призванию, нести себя всецело на жертву долга, как он понимал его". Некрасов перефразировал вторую строфу стихотворения "Еще работы в жизни много..."

Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.

О коварных "соблазнах жизни" Добролюбов писал и ранее, например, в стихотворении "Не диво доброе влечение..." (1857)..

Суждения Некрасова о личности Добролюбова пересекаются с суждениями Чернышевского. Чернышевский в "Материалах для биографии Н. А. Добролюбова" тоже пишет о высоком чувстве долга, о высоких идеалах Добролюбова: "Никто никогда не действовал с такою полною независимостью от всех окружавших, как он. Никакие личные отношения не могли поколебать его, когда он считал нужным поступить так или иначе". Необыкновенная сила воли - определяющая черта характера революционера, если иметь в виду его человеческие качества. Это понятие, по мнению Чернышевского, шире обычной психологической трактовки. В нем заключены отличительные, необходимые черты личности нового типа, представителя "новых людей" той поры: революционная убежденность и целеустремленность, принципиальность, критическое отношение к своим же поступкам. Это уже не столько проявление "натуры", сколько воздействие исторического момента, конфликта эпохи "шестидесятых годов", который не скрыт в "Материалах для биографии Н. А. Добролюбова".

Некрасов и Чернышевский выступают в унисон. Вслед за дневниками, письмами Добролюбова, публикуемыми Чернышевским, идет большая публикация Некрасовым стихотворений критика - двадцать четыре лирических стихотворения, двадцать переводов из Гейне. Цель публикации - познакомить читателей "Современника" с неизвестной им стороной

духовной жизни критика, его обычными человеческими радостями, огорчениями. Один из ведущих мотивов "Материалов", подготовленных Чернышевским,-- рассказ о "страстности натуры" Добролюбова, мотив полемический, ибо "тупоумные глупцы", "дрянные пошляки" пытались представить Добролюбова как резонера, действующего по указке руководителей "Современника", "без души и сердца".

Значительная часть "Материалов" посвящается опровержению самоупреков Добролюбова в "холодности и бесчувственности" и фактам, свидетельствующим о его дружеских привязанностях, о его "жажде любви". "Он был человек,-- свидетельствует Чернышевский,-- чрезвычайно впечатлительный, страстный..."

Некрасов в этот момент полностью поддерживает Чернышевского. Он объясняет причину публикации ряда стихотворных "пьес" по черновикам, "несовершенных по форме", желанием "дать читателю возможность как можно больше узнать эту личность" и тут же рекомендует "Материалы" Чернышевского, "рекомендуем их особенно тем, которые называли Добролюбова человеком без сердца - да устыдятся!".

Конечно, выступление Некрасова с темой "Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова" побуждено не только полемикой, сделано не во имя только публицистической остроты. Ему хотелось представить литературную деятельность своего друга во всей полноте, ее разносторонности, еще скрытой для читателя стороны. Лирика Добролюбова была живым свидетельством его ранних, но уже осознанных устремлений к будущей общественной деятельности, к жизни во имя интересов народа. "Большая часть стихотворений,-- замечает Некрасов,-- написана до начала журнальной деятельности Николая Александровича, стало быть тогда, когда ему было не более двадцати лет". Невольно Некрасов первым обрисовал контуры интенсивного, редкого по напряженности ("... он так спешил работать, так много успел сделать!") литературного пути критика. Он верно наметил основные вехи поэтической деятельности Добролюбова: до начала 1859 года, начало издания "Свистка" (1859--1860 годы), лирика последних двух лет его жизни. Он был и первым текстологом поэтических "пьес" Добролюбова. "Мы прочтем их в том порядке,-- говорил он на литературном вечере,-- в котором они, по всей вероятности, написались". "Наконец вот и еще предсмертное стихотворение Добролюбова,-- надо думать, последнее..." Некрасов прочитал стихотворение "Пускай умру - печали мало...", действительно одно из последних стихотворений критика.

Эта первая большая публикация была сделана по автографам, находящимся в двух тетрадях (см. их описание: IX, 607), в ряде случаев с изменениями цензурного характера {См. комментарий: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, с. 772.}. Два стихотворения, под № 13 и 22, в "Современнике" не появились, вероятно, по цензурным соображениям. Одно из них, по всей вероятности,-- "Перед дворцом" или его вариант "Встреча".

Некрасовская память о Добролюбове глубоко личная, именно им пережитая, выстраданная. Его выступление - статья-панегирик, "Слово" в память Добролюбова. В нем - патетический тон с анафорами ("Ничто вне этой деятельности не существовало для него, ничто *не должно было существовать*..."), с риторическими вопросами и восклицаниями ("Кто - по крайней мере теперь - не согласится, что нужен был этот резкий, независимый, отрезвляющий, на дело зовущий голос?"), с поэтическими олицетворениями: "Смерть, разумеется, не подождала. Такова уже судьба русского народа: не живучи его лучшие деятели..." Через семь лет в связи с трагической кончиной Писарева это олицетворение получит новое поэтическое обобщение:

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
"У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает..."

Заключительным аккордом звучит стихотворение "20 ноября 1861". В статье-выступлении первая его строфа переложена в прозу. Это один из редчайших случаев в

творческой практике, когда автор дает прозаический "перевод" своего же стихотворного текста. Сопоставим и то и другое вступление:

"Мы ушли с этой могилы, Я покинул кладбище унылое,
но мысль наша осталась там Но я мысль мою там позабыл,--
и поминутно зовет нас туда, Под землю в гробу приютилася
и поминутно рисует нам И глядит на тебя, мертвый друг!
один и тот же неотразимый
образ..."

Они близки, особенно в первых двух строках, но не адекватны. В прозаическом тексте "мысль" как стержневая часть лирического образа более активна. Она посылает своего рода позывные сигналы. Прозаический комментарий проясняет глубокий замысел поэтического образа, его новизну, смелость. Неожиданная точка видения позволяет представить "мертвого друга" в пантеистическом озарении:

Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

Запечатлено "поминутное" и вечное. Могила-саркофаг с "неотразимым образом", его философское выражение.

6

Могила не как традиционный элегический образ, не как мотив смерти, а образ, утверждающий бессмертие, символ вечной памяти - в духе пушкинского "Памятника". Такой образ напрашивается уже в стихотворении Некрасова "Памяти Белинского" (1853):

И с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твои могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

И в его "Последних песнях", в стихотворении "Друзьям" эта же тема в другом качестве - о смысле жизни для общества, для народа, для народного признания:

Вам же - не праздну, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Некрасову важен исторический смысл жизни писателя, общественного деятеля, итоги жизни ("От юности готовьте ваш итог!"). Общественным, нравственным, эстетическим эталоном такой жизни для него была жизнь и деятельность Белинского, Добролюбова, а затем и Чернышевского. Сопоставления с Нелинским очень часты: "... вот где самое сильное, широкое и поистине чудное влияние чистой и прекрасной личности на современников!" (в письме к В. П. Боткину 8 октября 1855 г.), "Ведь публика едва ли много поумнела со времен Белинского, который умел ее учить и вразумлять по поводу пустой брошюры" (И. С. Тургеневу 27 июля 1857 г.), "... репутация его (Н. Г. Чернышевского. - Г. К.) растет не по дням, а по часам - ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах" (Н. А. Добролюбову 3 апреля 1861 г.). На панихиде Добролюбова вновь сопоставление с Белинским: "В Добролюбове во многом

повторился Белинский, насколько это возможно было в четыре года: то же влияние на читающее общество, та же пронизательность и сила в оценке явлений жизни, та же деятельность и та же чахотка" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. XII, с. 290.}.

В Белинском - все начала личности революционного демократа, его неистового характера. Но и Добролюбов оставляет свой неизгладимый след - своей натурой, своими принципами, своей исключительной одержимостью.

Характерно примечание Некрасова к стихотворению "Памяти Добролюбова" (1864): "Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов" {Некрасов Н. Л. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т., т. 2. Л., 1981, с. 400.}. Это стихотворение - сплав реального и идеального, конкретных черт облика критика ("Суров ты был...", "Сознательно мирские наслаждения Ты отвергал, ты чистоту хранил...") и его драматической, трагической судьбы: "Но более учил ты умирать...", "По слишком рано твой ударил час И вешнее перо из рук упало...".

Лейтмотив стихотворения - бескорыстная, жертвенная любовь к родине. Центральное сравнение ("Как женщину, ты родину любил...") выражает силу, полноту, необыкновенную страсть в служении отчизне. Сходное поэтическое сравнение, близкое по смыслу, появится у Блока, в его знаменитом стихе: "О, Русь моя! Жена моя!.." Некрасов "хлопотал" о нравственных уроках жизни Добролюбова. Все стихотворение, особенно вторая его часть - апофеоз героя, его исключительности. Философско-пантеистические тенденции в сравнении со стихотворением "20 ноября 1861" еще более усиливаются. Образ Добролюбова превращается в символ светлого разума, душевной красоты, символ благодатных возможностей всей "Природы-матери".

Трепетное отношение к личности Добролюбова, понимание ее исторического значения, философская насыщенность поэтического образа помогают объяснить, почему в 1862 году, вскоре после выступления в Первой гимназии, Некрасов резко возражал против использования имени своего друга всуе в полемике с либеральной прессой на страницах "Современника". Некрасов писал Чернышевскому: "... Вы преувеличили опасность, предстоящую памяти Добролюбова оттого, что Зарин поставил Вас выше его, а во-вторых, ужасно будет обидно, если пойдут трепать газетчики имя Добролюбова по поводу этой статейки. Поверьте ми о, тон "Полемических красот" не идет к строкам, где мы имеем целью защитить любимого и высоко ценимого человека. Скажу Вам мое впечатление от этой статьи: в ней героем являетесь Вы, а не Добролюбов" {Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. X, с. 469.}. Некрасов и Чернышевский в какой-то момент разошлись в тактике борьбы за Добролюбова. Чернышевский, отвечая в журнале Е. Зарину, принял ряд замечаний Некрасова, однако не отступил от тона "Полемических красот" в своем устном выступлении с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 года в зале Руадзе {См. нашу статью на эту тему в сб. "Революционная ситуация в России" 1859-1861 гг.". М., 1965, с. 150-163.}.

Некрасов же хотел сохранить образ Добролюбова неприкосновенным, как ничем не замутненный вечный источник, питающий современников и будущие поколения благородными идеями гражданского долга, чистыми чувствами. Некрасов воздвигал памятник поэту и революционеру, поэту-гражданину {См. ряд интересных соображений о стихотворениях Некрасова, посвященных Добролюбову, в статье Ф. Я. Приимы "К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова" ("Русская литература", 1981, No 2).}.

Некрасов и Добролюбов в их редакционной и литературной солидарности, в их житейских отношениях - явление обычное и необычное. Обычное - с общечеловеческой точки зрения, в которую попадают многие другие примеры дружбы, товарищества разных людей. Необычное - в условиях их же конкретной жизни и деятельности, в их совместимости. Это был дуэт, каждый со своим голосом, выражавший общественное настроение, его переходы, его оттенки в кульминацию революционной ситуации. В этом его главное своеобразие, скажем, в сравнении с писателями декабристского круга или с писателями, отразившими большую эпоху первой русской революции. Индивидуальное, присущее каждому, не разъединяло их, а, напротив, усиливало их общую жизненную, социальную позицию.

Уроки добролюбовских дел, память о совместной работе с Добролюбовым Некрасов сохранит до конца своей жизни. Любопытно, например, его признание, высказанное в январе 1877 года Пыпину, о новизне своих стихов: "В первых он повторял тех, кого читал, но потом, с 1846, пошел его собственный род, не взятый ни у кого. Он ставит их цену в том, что ни у кого из наших писателей не говорилось так прямо о "деле" - не было рутинных пустяков" {Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 446.}. Так это главное эстетическое требование Добролюбова, не терпевшего пустой благонамеренности, праздных стихов!

Прав поэт Владимир Соколов, комментирующий запись Пыпина: "... Может быть, самым главным достоинством поэзии Некрасова является ее актуальность, ее вмешательство в жизнь, которое продолжается и по сей день. От нас зависит придать ему новый импульс, сделать его более действенным" {Соколов Владимир. Разумное, доброе, вечное. - "Литературная газета", 1986, 9 июля.}.

В "деловитости" поэзии Некрасова, в ее публицистичности, в ее связях с реальными событиями есть отзвуки добролюбовского мирозерцания, в ней запечатлены творческие усилия и достижения выдающегося писателя, журналиста и его ближайшего друга Н. А. Добролюбова.